

Шедяков В. Е.

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
независимый исследователь (г. Киев, Украина)*

Shedyakov V. E.

*DSc (Sociology), PhD (Econ.)
Free-lance (Kyiv, Ukraine)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ В КОМПЛЕКСЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Аннотация. Культивирование региональных преимуществ рассматривается с позиций потенциала повышения конкурентоспособности при постглобализме и усилении роли общества знания. Среди точек опоры при развитии региональных преимуществ выделяются местные традиции и новые условия. В сложившейся ситуации методология стимулирования желательных изменений характеризуется как адекватный условиям и эпохе регулятивный принцип постсовременности.

Ключевые слова: постглобализм, общество знания, регион, регионализация, конкурентоспособность.

Вступление и постановка проблемы. Выигрыш в конкурентном состязании – функция не столько наличия потенциала самого по себе, сколько умения распорядиться им, прежде всего – умения увидеть, культивировать и применить в существующих условиях и на перспективу свои относительные преимущества. Так, соотношение центробежных и центростремительных тенденций исторично. И дифференциация, специализация – эффективные направления повышения своей конкурентоспособности в постиндустриальном, постглобальном и в целом постсовременном мире. При этом региональность – форма разнообразия и развития.

Анализ последних исследований и публикаций. Подход, характеризующий закономерности в становлении региональных кластеров жизнедеятельности и развития, основывается на идеях А. Большакова, И. фон Тюнена, М. Китинга, Дж. Курта, А. Маршалла, К. Омае, М. Портера, А. Скотта, Дж. Траута. Акцентирование наложения особенностей постсоветских и постиндустриальных трансформаций приоритетно учитывает исследования таких авторов, как А. Асафов, И. Бобух, В. Геец, Р. Газенко, Е. Головаха, В. Голян, А. Гончаров, Т. Доброва, Л. Ивашов, В. Иноземцев, В. Катасонов, А. Кобяков, Е. Копатько, Р. Кравчик, А. Кротов, А. Левцун, Э. Либанова, В. Лисицкий, В. Малинкович, А. Мартынов, А. Новак, В. Небоженко, А. Охрименко, В. Панченко, С. Переслегин, Д. Перкинс, В. Пякин, В. Суслов, А. Уткин, Е. Федоров, А. Фурсов. Использование процессов регионализации в контексте децентрализации рассмотрено, прежде всего, с учетом работ Ю. Александрова, А. Андреева, М. Войнаренко, С. Гриневской, В. Дергачева, Н. Ефремовой, С. Кирдиной, А. Ковалева, Я. Нефедовой, Ю. Николаева, А. Обиход, В. Остапчук, С. Панковой, В. Симоненко, М. Хвесика, В. Чужикова, Н. Чумаченко, А. Эллиадиса, А. Яновского.

Целью статьи является выявление важных для регионального стратегического планирования и управления характеристик возможностей диапазона регионального своеобразия в контексте постмодерного перехода к обществу знаний.

Результаты исследования.

Протекционизм, изоляционизм, регионализм – неотъемлемые черты постглобализма [1–5]. Причем и на основе уже освоенных возможностей воспроизводства в глобальных масштабах, и с существенным разнообразием дерева

целей. Например, в наиболее благополучных регионах – под идеалом обособления анклава благополучия и вытягивания для него потенциала остального мира. Для прочих – с задачами самозащиты и развития. От фазы цикла развития и оптимизации арсенала протекционизма для защиты своих интересов существенно зависит и баланс закрытости/открытости. Как известно, достигшие лидерских позиций часто пытаются вскрыть внутренние рынки прочих и навязать свои условия потребления сырья, тогда как развивающиеся предпочитают опекать свои рынки. Кардинально важна и возможность принятия и проведения решений в интересах собственного культурно-цивилизационного мира.

Вместе с тем общество отчуждения еще предоставляет определенные возможности развития, прежде всего связанные с общественным разделением деятельности. Собственно, труд отчужденный – это труд абстрактный, производительный, общественно разделенный. Соответственно, важнейшим вопросом в череде конвейеризации вызовов времени становится выделение уникального и общего; неповторимого и повторяющегося; невозобновимого и возобновляемого; общегосударственного, регионального и корпоративного, чтобы полномасштабно воспользоваться историческим шансом. Особенно сложно выдержать этот баланс при всемирных трансформациях парадигмального уровня, ломающих устоявшееся положение в факторах и результатах конкуренции.

Существенно также, что не только постглобальный мир – это гораздо более сложное образование, чем ранее привычные структурирования. Сама постсовременность также означает уход в прошлое однозначных подходов, простых моделей и «чистых» форм их воплощений, в т. ч. и в аспектах самовыражения и конкурентоспособности региона. При постглобализме никто не вправе претендовать на привилегированное положение, но каждый по-своему уникален, а успех вполне закономерно венчает принципиально гетерогенные образования. Речь идет о новых типах организационного устройства, снятии жестких границ, мозаичности управленческих процессов, сочетании разных элементов власти. Вместе с тем не только декларирование, но и действительное следование абстрациям чистого рынка, совершенной конкуренции, свободного ценообразования, открытого общества и т. д. отнюдь не предохраняет от исторического тупика и неэффективности выбора. Причем никакая группа не может

быть «независимыми демиургами», а с каждой новой контролирующей инстанцией дополнительно мультиплицируются общественные отношения, в свою очередь выходящие из-под контроля. Наличие органичного комплекса общественных регуляторов – условие прогресса, усложнение этих регуляторов – признак прогресса, необходимость соответствия управляющей системы управляемой целостности. Более того, чем более соответствующим конкретике становится решение, тем более богатый арсенал возможностей оно открывает. Чем больше оснований у региона и общества, чем более сложной является внутренняя структура, тем она более устойчива в периоды и относительно стабильности, и форсированных изменений, тем более способна к развитию. Если ранее актер, как правило, реализовывался в строгих рамках предопределенной рождением жизненной дороги, то ныне свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора. Соответственно, под влиянием постмодернизации бессмысленным является покорное следование какому-либо внешнему канону, необходим комплекс решений, позволяющих в конкретных условиях объединить логики посткризисные и развития [6–10].

Кардинально важной для этого выступает субъектность хозяйственной (в частности, организационно-управленческой и трудовой) сферы отношений, где массовидность и объективность предполагают прохождение через сознание субъекта как обязательный этап своей реализации [11–13]. Раскрытие субъектного начала может иметь определяющее значение в условиях гиперконкуренции среды. Поддержание конкурентоспособности часто напрямую связано со специализацией на абсолютных и относительных преимуществах. В свою очередь, развитие и использование субъектности, рефлексивности, повышения качества управления за счет сорезонирования ведущих направлений всемирных трансформаций – необходимость успеха. Между тем и накопленная материально-техническая база, и характер социально-идеальных и материально-социальных отношений делают ныне возможным превращение свободного самостоятельного творчества, основанного на сугубо индивидуальной комбинации одаренностей и склонностей, в определяющий параметр общественного масштаба. Напротив, доминанта отчуждения в обеих ипостасях – общества отчуждения и отчужденной личности – грозит оборачиванием дальнейших трансформаций глобальной катастрофой.

В итоге прогресс – восхождение от «человека экономическому» к «человеку творческому». Регресс – в деградации до биологических инстинктов состояния «экономического животного» и «человека умелого», индивидуальная редукция до звериных инстинктов и общественной атомизации – провоцируются средой «сумеречного сознания», ориентирующей на потребительство и накопительство, отвергающей сущностные силы человека в пользу фетишизации вещей и капитала. Напротив, высвобождение созидательного потенциала (а не звериных инстинктов) требует осознанности своей жизнедеятельности и рефлексивности мышления. Между тем иное возможно, однако требует духовной, душевно-нравственной и интеллектуальной работы, суть которой концентрируется вокруг творчества. Постсовременная продуктивность формируется вокруг творческих возможностей и интеллектуального потенциала человека, их организации и использования. Однако кардинальные трансформации нашего времени, а также глобальный масштаб кризисных явлений безотлагательно требуют дополнительного внимания к изменениям человеческого капитала, в т. ч. под влиянием новых процессов и тенденций.

Таким образом, человечество переживает смену парадигм своей жизнедеятельности и моделей развития. Длительная эпоха приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей на базе расходования простого труда зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей и угрозами всей планетарной экосистеме. Причем достигнутый уровень совокупного физического и ментального потребления и выделяемых отходов, характерный для привилегированных регионов, даже близко не может быть распространен на всех из-за уровня давления на среду обитания, однако и обособленно сохранять анклав комфортной жизни среди эксплуатируемых ради этого регионов все сложнее, прежде всего из-за процессов природной и социальной диффузии.

Новые условия ныне характеризуют, прежде всего, особенности как переходной межпарадигмальности, так и формирующегося «общества знания». В частности, крайне весомым обстоятельством является то, что и в сам период активных трансформаций, форсированный переход от одного сравнительно устойчивого состояния к другому структурированию мировой упорядоченности осуществляется при нарастании хаоса и увеличении коридора свободы. Горизонты развития связаны с изменениями, предполагающими использование приватной инициативы для решения гораздо более широких вопросов. Между тем понимание справедливости и места знаний в механизмах (в т. ч. экономических) ее осуществления для разных культурно-цивилизационных миров различно. Причем период межпарадигмальности колоссально усиливает возможности навязать свою интерпретацию организации жизнедеятельности и использования знаний. Освоение же горизонтов развития – функция несоответствия формальным штампам и занесенным информационными вирусами прокрустовым ломам стандартов, а результат повышения качества жизни и возможностей творчества населения. Так, духовные трансформации и интеллектоемкое творчество – условия выживания и развития ойкумены как разнообразия культурно-цивилизационных миров. Вместе с тем ныне лидеры творят смыслы, выдвигают идеи, аутсайдеры тиражируют вещи. При этом перед каждым стоит выбор приоритета: выживание/благополучие собственное (в частности, с присоединением к ценностно-смысловым комплексам господствующего в данный момент культурно-цивилизационного мира) или же своего культурно-цивилизационного мира.

Парадигмальность трансформаций означает, прежде всего, возможность «обогнать, не догоняя» при использовании и общечеловеческого опыта, и особенностей конкретного культурно-цивилизационного мира. Переходный период – время стратегического маневрирования. Сущность процессов, наполняющих переходный период, связана с противоборством различных вариантов дальнейших изменений, а не только с отрицанием прошлых стратегий и рождением грядущих. Важность переходной межпарадигмальности связана, прежде всего, с выходом за пределы «коридора свободы», а значит, с кардинальным ростом диапазона как возможностей, так и рисков. Многие социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и фактов, характеризующих уходящую реальность. Вместе с тем гигантски расширяется поле выбора, повышая уровень ответственности основных субъектов принятия решений. Предиктором же в точке бифуркации может стать и очень слабое воздействие в ключевой для общества точке. Направленность, темпы, очередность, результаты общественных метаморфоз во

многим зависят от состояния и динамики экономической культуры, особенно в момент форсированных перемен парадигмального уровня. Определяется соотношение сил в структурировании общественных противоречий, то, в чьих интересах и кем будут осуществляться перемены.

Важнейшими точками опоры при выращивании абсолютных и относительных региональных преимуществ являются местные традиции и новые условия. Соответственно, при разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума. При этом региональные традиции имеют как социокультурное, так и политико-экономическое измерения (но отнюдь не исчерпываются ими), выпестованные столетиями всесторонней оптимизации деятельности общества именно в данной общественной и географической нише.

Успешность проведения многоплановых и разнородных трансформаций (среди которых есть и кардинальные) настоятельно требует, с одной стороны, комплексности преобразований, с другой – выделения приоритетных направлений (в частности, посредством концентрации ресурсных баз и смещения ресурсно-методологических баз воздействия). В обществе знания каждый ответственно делает свой выбор, и никто никому ничем не обязан, что неизмеримо поднимает планку требований к нравственности и верности традициям, а значит, к методологии образования и управления. В сложившейся ситуации методология стимулирования желательных изменений составляет адекватный условиям и эпохе регулятивный принцип постсовременности. Спонтанность неизбежна, нужно быть готовым.

Принуждение же расценивается как несправедливое и в конечном итоге как неэффективное, что значимо отражается на характере общественных трансформаций и важно для выбора соответствующей стратегии развития. Усиливает общественное звучание формула «творческая многоликость – жизнь, единообразие – уродование в прокрустовом ложе и смерть». Живое противоречиво, развитие происходит через разрешение противоречий [14–16].

Формирование общества знания неминуемо отражается в первую очередь на его «адептах», непосредственно связанных с получением и распространением знания. И особенно на сфере образования, сущность которого – не культуртрегерство или натаскивание обрывков знаний, а именно образование личности, ее созидание (самосозидание). Естественно, что конвейеризация общественно и личностно важных инноваций вынуждает к кардинальному изменению стиля жизни и места в обществе прежде всего именно слоя педагогов и ученых. Решение задач получения и распространения знаний может осуществляться более или менее элитарно или же народно, на уровнях глубоких методологий или тренингов по решению частных задач. В любом случае, оно становится определяющим фактором не только долгосрочной конкурентоспособности региона, но и уровня дальнейшего жизнеобеспечения его, решая вопросы как узкопрагматические, так и преобразования общества. Одновременно реализация исторической субъектности народа при переходе к обществу знания тесно связана с совершенствованием организационно-управленческих (в частности, психолого-педагогических) отношений. Продуктивные организационно-управленческие (прежде всего психолого-педагогические) инновации ориентированы на более полное раскрытие индивидуальной одаренности человека и связаны с гуманизацией механизмов реализации публичных и частных интересов в формах

соборности и партнерства вокруг базовых общественных ценностно-смысловых комплексов. Достижение соответствия социокультурных полей возможностям и рискам общества знания требует коррекции как отношений на осях «общество – государство – бизнес», так и «человек – культурно-цивилизационный мир». При этом ныне преподаватель из «озвучивателя банальных истин» превращается в консультанта и мотиватора. И совсем не только для студентов своего вуза, а в разрезе соответствующего научно-образовательно-производственного комплекса. Впрочем, если в лидирующих странах основная часть дохода преподавателей смещается в направлении оплаты практического консультирования и исследовательских грантов (стимулируя проникновение знаний «вглубь»), то на полупериферии зачастую для поддержания благосостояния просто вынуждены множить педагогическую нагрузку и разнообразие читаемых курсов (подталкивая к освоению «вширь»).

Нарастание структурирующего значения экономики знаний вообще акцентирует роль центров по их выработке, аккумулированию и использованию, одной из эффективных организационных форм которых выступают научно-образовательно-производственные кластеры. Развитие и реализация как научно-интеллектуального потенциала, так и материально-технической базы являются необходимыми условиями обеспечения политической самостоятельности и экономического суверенитета в условиях глобального перехода к обществу знаний. В свою очередь, интенсивная диффузия навыков и умений из хозяйственной сферы в прочие делает научно-образовательно-производственные кластеры фактором не просто инновационного поиска, а преобразования общества как целостности. Так, формирование и поддержка научно-образовательно-производственных кластеров с ядром из мозговых центров – необходимость обеспечения коренных интересов культурно-цивилизационного мира в обществе знаний [17–21]. Ядром научно-образовательно-производственных кластеров как базы стабильного развития социума становятся аналитические центры и научно-образовательные комплексы, в формировании которых эффективно взаимодействуют общество, государство и бизнес. Вместе с тем обладание информацией и знаниями само по себе – необходимая, но недостаточная предпосылка комплексного органичного развития экономики и общества. Например, накопленный в СССР огромный человеческий и аналитический потенциал не помог не только освоить информационную модель роста, но и сохранить государство. При этом в последние годы существования Советского Союза создание обширного научно-технического потенциала и материально-технической базы отнюдь не завершилось столь же значительными подвижками в социально-экономической и духовно-нравственной сферах. За последнюю же четверть века на постсоветском пространстве как деградация материально-технической базы, так и отток кадров стали направлениями утраты экономической самостоятельности. Соответственно, долгосрочные интересы народа при принятии решений порой подменялись выполнением рекомендаций институций международного неимпериализма (скажем, тех же ростовщиков из МВФ или Мирового банка) либо интересов олигархических групп.

Выводы. Таким образом, важнейшим вопросом в череде конвейеризации вызовов времени становится выделение уникального и общего; неповторимого и повторяющегося; невозобновимого и возобновляемого; общегосударственного, регионального и корпоративного, чтобы полномасштабно воспользоваться выпадающим историческим шансом. Среди точек опоры при культиви-

ровании региональных преимуществ выделяются местные традиции и новые условия. Региональные традиции включают социокультурное и политико-экономическое измерения (но отнюдь не исчерпываются ими), выращенные столетиями оптимизации жизнедеятельности человека в конкретной географической нише. Ныне новые условия характеризуют, прежде всего, особенности как переходной межпарадигмальности, так и формирующегося «общества знания». Реализация исторической субъектности народа при переходе к обществу знания тесно связана с совершенствованием организационно-управленческих (в частно-

сти, психолого-педагогических) отношений. Органичное управление неразделимо с системой; никакая «бригада менеджеров» не может эффективно быть сепаратной от своего региона блоком управления. Методология стимулирования желательных изменений составляет адекватный условиям регулятивный принцип постсовременности.

Анализ проблемы социальной ответственности государственных топ-менеджеров и характеристик экономики информационной сферы как направления межрегиональной конкуренции мог бы способствовать оптимизации дальнейшего раскрытия возможностей регионалистики.

Список использованных источников:

1. Китинг М. Новый регионализм в Европе. Логос. 2003. № 6. С. 18–27.
2. Омае К. Упадок национального государства: становление региональных экономик. М.: Новый мир, 1999. 290 с.
3. Наумкіна С.М., Лясота Л.І. «Новий регіоналізм» як зміна структури територіальної політики. *Politicus*. 2017. Вип. 5. С. 76–79.
4. Шедяков В.Е. Постглобализм как социально-экономическое явление. *Rухes*. 2016. № 4. С. 104–114.
5. Шедяков В.Е. Постсовременная геополитика: социокультурное содержание, региональное измерение. *Регион: проблемы и перспективы*. 1998. № 2–3. С. 45–53.
6. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход. *Социологические исследования*. 2012. № 8. С. 3–13.
7. Шедяков В.Е. Активизация региональной политики как условие повышения конкурентоспособности отечественной системы хозяйствования. *Регіональна економіка та управління*. 2015. № 3(6). С. 172–176.
8. Шедяков В.Е. Региональное управление: выбор стратегии и механизмов. *Регион: проблемы и перспективы*. 1997. № 1. С. 19–23.
9. Шедяков В.Є. Регіональні рівні управління: роль постсучасних тенденцій. Формування ринкових відносин в Україні. 2015. № 12(175). С. 166–173.
10. Шедяков В.Є. Стратегічний організаційно-управлінський дизайн соціально-економічних точок розвитку суспільства. *Економіст*. 2015. № 12. С. 13–18.
11. Отчуждение труда: история и современность / Я.И. Кузьминов, Э.С. Набиуллина, В.В. Радаев, Т.П. Субботина. М.: Экономика, 1989. 287 с.
12. Шедяков В.Е. Субъектность общественных трансформаций и формирование их вектора и результатов. *Актуальні проблеми філософії та соціології*. 2016. Вип. 12. С. 148–152.
13. Шедяков В.Є. Організаційно-управлінські відносини як стратегічний ресурс розвитку. Формування ринкових відносин в Україні. 2016. № 3(178). С. 23–30.
14. Кастельс М. Могущество самобытности. Новая постиндустриальная волна на Западе: монография. М.: Academia, 1999. С. 292–308.
15. Trout J., Rivkin S. Differentiate or Die: Survival in Our Era of Killer Competition. NY: John Wiley and Sons, 2008. 272 p.
16. Шедяков В.Є. Трансформації конкурентоспроможності системи господарювання під впливом змін у міжнародному поділі праці. *Економіка України*. 2012. № 7. С. 26–35.
17. Концепція створення кластерів в Україні. URL: <http://biznes.od.ua/index.view?id=499&Itemid=33> (дата обращения: 19.07.2018).
18. Gordon I., McCann P. Industrial clusters: complexes, agglomeration and/or social networks? *Urban Studies*. 2000. № 37, 3. P. 513–532.
19. Клейнер Г.Б., Качалов, Р.М., Нагрудная Н.Б. Формирование стратегии функционирования инновационно-промышленных кластеров. М.: ЦЭМИ РАН, 2007. 61 с.
20. Чернова О.А. Системообразующие принципы формирования стратегии инновационного развития региона. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2009. № 10(116). С. 46–51.
21. Шедяков В.Е. Инновационные системы управления региональными кластерами. *Региональная экономика и управление*. 2016. № 4(11). С. 98–103.

ВИКОРИСТАННЯ РЕГІОНАЛЬНОЇ СВОЄРІДНОСТІ В КОМПЛЕКСІ КОНКУРЕНТНИХ ПЕРЕВАГ

Анотація. Культивування регіональних переваг розглядається з позицій потенціалу підвищення конкурентоспроможності за постглобалізму і посилення ролі суспільства знання. Серед точок опори під час розвитку регіональних переваг виділяються місцеві традиції і нові умови. У ситуації, що склалася, методологія стимулювання бажаних змін характеризується як адекватний умовам та епосі регулятивний принцип постсучасності.

Ключові слова: постглобалізм, суспільство знання, регіон, регіоналізація, конкурентоспроможність.

REGIONAL ORIGINALITY'S USING IN COMPLEX OF COMPETITIVE ADVANTAGES

Summary. The cultivation of regional advantages is viewed from the perspective of the potential for increasing competitiveness in post-globalism and strengthening the role of the knowledge society. Among the points of support, when regional advantages develop, local traditions and new conditions are singled out. In this situation, the methodology of stimulating the desired changes is characterized as the regulative principle of postmodernism that is adequate to the conditions and the era.

Key words: post-globalism, knowledge society, region, regionalization, competitiveness.